

Причины, заставившие Петра I направиться в Европу, достаточно хорошо известны. Дипломатические мотивы заключались в укреплении антитурецкого союза, вовлечении в него новых стран или получении материальной помощи для борьбы с турками. Перед миссией также ставилась задача нанять европейских специалистов, разбиравшихся в кораблестроении, мореплавании, рудном, пушечном, строительном делах, в медицине, купить «воинского и корабельного» припаса. Сам Петр I ехал посмотреть на Европу, лично научиться строить корабли, инженерному и бомбардирскому «умению». Молодой царь, которому тогда было 25 лет, не мог усидеть дома, его деятельная натура требовала личного знакомства с «просвещенной Европой». Он намеревался встретиться с королями и вельможами, математиками и лекарями, корабелями и плотниками, пушкарями и оружейниками, осмотреть фабрики и заводы, судоверфи и крепости, корабли и армии.

Запланированный маршрут Великого посольства охватывал Австрию, Англию, Голландию, Данию, Венецию, Бранденбург, Рим. Однако, находясь уже в Голландии, Петр I решил нанести в «туманный Альбион» лишь неофициальный визит, с несколькими спутниками. Кроме простого любопытства Петром двигало намерение познать теоретические основы кораблестроения, так как в Голландии в этом деле ограничивались только практическими навыками.

Седьмого января 1698 г. Петр I с 16 спутниками отплыл в Англию на специально присланных кораблях. Одиннадцатого января русские путешественники ступили на английскую землю. В честь приезда «царю Московскому» вручили специальное поздравление с восхвалениями успехов в борьбе с турецкой опасностью:

«Потоптатели Магомета и христианских турок крепость...

Твое имя напоминает Рим

.И устрашается Север»¹.

За три с половиной месяца пребывания на Британских островах Петр I посетил корабельные доки в Портсмуте, Чатаме, артиллерийские заводы в Вулвиче, университет в Оксфорде, Виндзорский замок, различные учреждения в Лондоне, среди которых музей Английского королевского общества, Гринвичская обсерватория, Монетный двор, Тауэр; присутствовал на заседании парламента, работал на верфи в Дептфорде, встречался с государственными и военными деятелями, богословами, учеными, множеством купцов и коммерсантов, королевскими сановниками, морскими капитанами и простыми матросами. Суммируя результаты поездки, Г. Гюйссен в пространной редакции «Походного журнала Петра I» писал: «Пересмотрев же все вещи, достойные зренья, наипаче же то, что касается до правления, до войска на море и сухом пути, до навигации, торговли и до наук и хитростей, цветущих там, часто его величество изволил говорить, что оной английский остров *лучший, красивейший и счастливейший* (курсив мой. - А.Г.) есть из всего света»².

Отголоски английских впечатлений заметны во многих петровских преобразованиях. Самое сильное влияние сказалось, несомненно, в деле создания военноморского флота. Необходимость постройки кораблей, способных противостоять туркам на Азовском и Черном морях, общеизвестна. Уже в 1696 г.,

незадолго до отъезда Великого посольства за границу, учреждаются специальные «кумпанства» для создания судов разного типа. Все верфи сосредотачиваются в Воронеже, куда съехались русские поморские мастера и иностранные специалисты, разысканные в Москве. Однако настоящие высококлассные профессионалы кораблестроения в нашей стране отсутствовали. Вызов корабелов через почту или другими заочными способами не приносил особых успехов. Мало кто хотел ехать на другой конец света, основываясь лишь на призрачных обещаниях. Поэтому личный контакт с правителем Московии, предлагавшим большое денежное вознаграждение, был весомее любых других гарантий. Кроме того, в Англии Петр сам мог отбирать опытных мастеров, разбиравшихся в деле, благо приобретенные личный опыт и знания уже давали ему такую возможность.

В Англии на службу было принято, по свидетельству «Походного журнала», несколько «строителей корабельных, мачтовых и шлюпочных мастеров, якорных кузнецов, компасных, парусных и канатных делателей...»³. Вильгельм III, благоволивший иноземному гостю, согласился на выезд в Россию всех лиц, «которые изъявят на то желание»⁴. В последующие годы вопрос о замене специалистов, отработавших контрактный срок, будет неоднократно подниматься в переписках между двумя странами. Петр в большей степени будет отдавать предпочтение англичанам перед мастерами из других стран, так как «ему особенно полюбилась английская манера судостроения, которая легче и чище голландской»⁵.

По возвращении в Россию царь заложил ряд новых кораблей на британский манер и попытался переделать несколько недостроенных. Австрийский посланец И.Г. Гвариент доносил в Вену в ноябре 1698 г.: «Государь исключительно занят переделкою и постройкою кораблей. Дорого построенные корабли дурны и скорее годятся под купеческий груз, чем для военных действий»⁶. Последующее практическое использование судов доказало лучшие мореходные качества английских образцов. Результатом стало фактическое отстранение от управления на верфях выходцев из Голландии в пользу специалистов из Соединенного королевства. Англичане Д. Ден и О. Най становятся во главе воронежских верфей, а постройка новых судов, даже русскими мастерами, производится теперь по английским чертежам.

Флот «владычицы морей» в самое сердце поразил русского правителя. В отличие от Голландии, где он только работал на Ост-Индийской верфи, в Британии ему была сразу подарена великолепная яхта «Королевский транспорт» («The Transport Royal»), предоставлена возможность «наблюдать постройку кораблей и разговаривать с корабельными рабочими, показывавшими ему чертежи, по которым строились суда»⁷. Но самую большую услугу Вильгельм III оказал Петру I приглашением его на специально устроенное учебное морское сражение. В Портсмуте сосредоточили 12 крупных военных кораблей, среди которых 24 марта и разыгрался показательный бой. Накануне Петр побывал на кораблях и внимательно их осмотрел. В «Походном журнале», составлявшемся одним из спутников царя, достаточно подробно описаны характеристики и названия судов. Во время боя, как гласит предание, Петр оказался так поражен зрелищем, что сказал своему спутнику, вице-адмиралу Митчеллу, «что предпочел бы быть английским адмиралом, чем русским царем»⁸.

Сохранились свидетельства о найме в Лондоне нескольких мореходов. В июне 1698 г. в порт Архангельска приехали капитаны: Волронд (Walrond), Бечэм (Becham), Волкер (Walker) и два поручика. «Несомненно, — писал историк русского флота СИ. Елагин, — что Петр не ограничился бы этим числом, ежели б в то время в Англии не существовало закона, воспрещающего морякам вступать в

службу иностранных государств. Нарушение этого закона упомянутыми выше лицами объясняется тем, что они принадлежали к партии претендента Иакова»⁹.

Помимо людей, припасов и личного опыта в Англии приобрели чертежи нескольких судов, вывоз которых, хотя и не являвшихся особым секретом, за пределы страны не поощрялся. В доказательство можно привести выписку за май 1698 г. из приходно-расходной книги посольства: выплатить 200 ефимков «за чертежи английских кораблей и за разные издержки» майору Леонарду ван дер Стому¹⁰. Позже, возможно даже по этим чертежам, Петр будет безуспешно пытаться строить 100-пушечные линейные корабли.

Следующим крупным нововведением стало учреждение в России Навигационной школы и распространение математических знаний. Необходимость такого учебного заведения и точных знаний была осознана Петром I во время посещения судостроительных верфей, артиллерийских заводов, Английского королевского общества. Царь понял, что, основываясь лишь на практическом опыте, многого не сделаешь. Для строительства флота, развития армии и других реформ требовались отечественные специалисты с современным европейским образованием, которое можно получить не только за границей, но и через создание в собственной стране новой системы просвещения (учебных заведений). Претворение задуманного в жизнь началось с приобретения математических и навигационных книг и инструментов, а также с найма в Англии трех преподавателей: профессора Аббердинского (Эбердинского) университета А Фарвархсона (Эндрю Фергарсона) и двух математиков-навигаторов, выпускников одного из колледжей Оксфорда — Стефана Гвина (Стивена Гвина) и Ричарда Грейса (Грайса)". Уже в 1699 г. они вели занятия со своими первыми учениками. Но лишь 14 января 1701 г. новое учебное заведение получает официальный статус и название «Школа математических и навигацких наук»¹². Из всех англичан наибольшую известность получил АФарвархсон, знание которым шести языков, в том числе и русского, открывало перед ним широкие возможности. Помимо преподавательской деятельности он занимался подготовкой учебников по математике, писал научные труды, адаптировал для русской речи специальные термины, вел астрономические наблюдения и вычисления. По словам английского посланника Ч. Витворта, в 1706—1707 гг. он вместе со С. Гвином проектировал «прямолинейный путь» между старой столицей и будущей «северной Венецией»¹³. За заслуги перед Российским государством ему не раз повышали жалованье, а в 1717 г. представили к бригадирскому чину. Адмиралтейц-коллегия так оценила его роль в сфере образования: «понеже через него первое обучение математике в России введено и едва ли не все при флоте... российские подданные... к мореплаванию в навигацких науках обучены»¹⁴.

Важную роль в государственных преобразованиях Петра I сыграла записка английского богослова Френсиса Ли (1661-1719). По просьбе царя ученый создал проект реформ, необходимых далекой Москве¹⁵. Их основная идея заключалась в учреждении семи коллегий, с помощью которых государь управлял бы страной. Коллегии должны были набираться из наиболее достойных и способных людей. Распределение функций между учреждениями несколько отличалось от варианта, воплощенного Петром I в жизнь. Первая коллегия предназначалась для поощрения учения, вторая — для усовершенствования природы, третья — для поощрения художеств, четвертая — для развития торговли, пятая — для улучшения нравов, шестая — для кодификации законов, седьмая — для распространения христианской религии. Для учета всего населения предусматривалось введение метрических записей рождений, смертей и браков¹⁶. Для всего проекта характерно преобладание идеи «всеобщего блага»,

господствовавшей тогда в Европе, с ее верой во всемогущество государства, способного привести общество к гармонии и благосостоянию. Среди других особенностей проекта можно отметить христианско-миссионерские мотивы, характерные для католицизма.

Возможность заняться основополагающей реформой государственного аппарата появилась у Петра I только через два десятилетия. Нововведения, которые проводились царем в первые десятилетия Северной войны, не шли в сравнение с масштабами последующего реформирования всей системы управления империей. В 1718 г. выходят в свет указы о замене приказов коллегиями. Е.В. Анисимов в своей последней монографии о государственных преобразованиях императора убедительно доказал, что проект Ф. Ли и письма Г. В. Лейбница не могли стать единственной причиной коллежской реформы¹⁷. Но факта первоначального ознакомления с этой идеей именно в Англии в 1698 г. нельзя отрицать. Причем отдельные мысли из предложений богослова, как писал А.И. Андреев, осуществляются Петром I вскоре по возвращении. К ним относится попытка распространения православия на Восток путем назначения митрополита в Тобольск, который «мог бы Божию милостью в Китае и в Сибири в слепоте идолослужения и других невежествах закоснелых человек приводить в познание и служение и поклонение истинного живого Бога»¹⁸.

Одним из мест, вызвавшим живой интерес царя на британских островах, оказался Монетный двор в Тауэре. «Походный журнал» свидетельствует: 27 января — «был на дворе, на котором всякие денежные вещи», 13 апреля — «был десятник с Яковом Брюсом в Туре, где деньги делают»¹⁹. Был он здесь и 21 апреля, а возможно, и 7 февраля. Что же вызвало такое любопытство монарха? Ответ легко найти в истории Англии конца XVII в. В 1695-1699 гг. в стране прошла колоссальная денежная реформа, в первую очередь связанная с Монетным двором и его главой И. Ньютоном. После назначения в 1696 г. на должность управляющего двором, великий ученый подошел к проблеме борьбы с подделкой денег со всей научной педантичностью. Расширив машинное производство монет, Ньютон его усовершенствовал и развил до колоссальных размеров. Он опутал весь Лондон системой специальных агентов, позволившей за короткий срок выловить множество фальшивомонетчиков. Визиты Петра объясняются тем, что в России наблюдалась картина, в точности схожая с ситуацией, вызвавшей английскую реформу. Изготовленные из проволоки ручным способом деньги различались по форме и могли быть облегчены путем обрубания краев. В результате происходило резкое обесценивание денег, рост цен и тому подобное. Созданную же машинным способом монету, идеально круглую по форме и с надписями по гурту, обрезать было невозможно. Выгоды от нового способа оказались налицо.

До сих пор точно не установлено, встречался ли Петр I с Исааком Ньютоном. Косвенные сведения, приводящиеся в одной из последних монографий о великом ученом, не позволяют утверждать это с полной уверенностью²⁰. Однако несомненно одно - молодой самодержец постиг смысл, значение и необходимость аналогичных преобразований в России. «Опыт работы английского и других монетных дворов Европы вновь убедил Петра I в необходимости... использования новой технологии в монетном деле»²¹. Оставшийся на некоторое время в Лондоне близкий сподвижник царя Я.В. Брюс заказал ряд необходимых станков и, возможно, нанял несколько мастеров для работы в Москве. В 1699 г. монетная реформа развернулась полным ходом. В придачу к Кремлевскому строятся монетные дворы в Китай-городе, вблизи Боровицких ворот («Набережный»), в здании Земского приказа на Красной площади, в Кадашевской слободе, на Хамовническом дворе. Постепенно эти

учреждения оснащались машинно-станочным парком, ввозимым из Англии и обеспечивающим все этапы превращения металла в звонкую монету, начиная от проката брусков и заканчивая чеканкой. К концу первого десятилетия XVIII в. произошло полное переоснащение монетных дворов, а к 1720-м гг. старые деньги были окончательно вытеснены из обращения. Итогом стали резкое увеличение доходов государства, безболезненное введение в обиход медных денег, над чем долго бился еще отец реформатора, Алексей Михайлович, снижение уровня инфляции. Сами деньги начинают активнее использоваться в жизнедеятельности населения страны, что способствовало росту товарооборота и развитию торговли.

Во время пребывания в Лондоне достаточно продолжительными были встречи Петра I с различными церковными деятелями. «Различие вер было темой, которую он охотно поддерживал в разговоре»²². Царь беседовал с архиепископом Кентерберийским Теннисоном, епископом Дж. Бернетом, различными богословами, бывал на собраниях квакеров. Многие безуспешно пытались обратить царя в свою веру, причем он никогда не говорил о безусловном превосходстве православия над другими ветвями христианства. Такое поведение внушало церковникам призрачные надежды, и они с воодушевлением вступали в диспуты с окружением высокопоставленного гостя. Петром же двигало стремление к дополнительной информации о соотношении светской и духовной властей, о достоинствах той или иной конфессии, о влиянии религии на умы людей. Ближайшим результатом подобных контактов оказалось предоставление права свободного «отправления обрядов англиканской церкви» (16 апреля 1698 г.) для иностранцев, проживавших в России.

Более важное значение для судеб «восточного» христианства имели слова Дж. Бернета «об авторитете христианских императоров в делах религии и верховной власти королей»²³. В первой четверти XVIII в. Петр I начинает проводить мероприятия по усилению роли светского правительства в делах православной веры. Мнение А. Курбатова, высказанное после смерти в 1700 г. десятого патриарха Андриана, «до времени обождать» с выборами его преемника, попало на благодатную почву²⁴. Английские беседы, подкрепленные воспоминаниями о «деле Никона», толкают царя на беспрецедентный шаг. Временным управляющим делами русской церкви становится «местоблюститель патриаршего престола» С. Яворский, а избрание патриарха откладывается на неопределенное время. В 1712 г. для управления церкви назначается своеобразный аналог светских коллегий — «Священный Синод». С его образованием закреплялось полное подчинение церкви государству. Кроме того, еще в 1701 г. у монастырей изъяли все их земельные владения, переданные под управление восстановленного Монастырского приказа. Таким образом, знакомство Петра с особенностями британского устройства позволило ему продолжить формирование абсолютистской власти в России и найти часть средств (монастырское имущество) для своих начинаний.

Не исключено, что с островов «знатный москвит» увез идеи о создании крупной неделимой собственности, об учреждении государственного научного центра (Английское королевское общество как прототип Российской академии наук). Таким образом, многое из того, что великий преобразователь увидел на Западе, а в частности в Великобритании, впоследствии было реализовано в России. Нововведения сближали Россию с Западом, выдвигали ее на один уровень с ведущими мировыми державами. Некоторые новшества вводились без оглядки на местные традиции, другие соотносились с ними. Многие реформы проходили при сильнейшем сопротивлении со стороны не только простого народа, но и представителей высшей знати. Большинство не понимало необходимости постройки кораблей, создания мануфактур, переодевания в

западноевропейскую одежду, бритья бород и тому подобного.

Не все у Петра проходило гладко. Яркие zahraniчные впечатления заслонили ему многие достижения родной страны. Так, анализ документов, связанных с деятельностью Посольского приказа в последние годы его существования, показывает, что российское внешнеполитическое ведомство достаточно успешно справлялось со своей работой. Разбор посольских книг, отложившихся в архиве, доказывает высочайший уровень предварительной подготовки дипломатических миссий²⁵. В частности, для Великого посольства было составлено 33 тома выписок о предыдущих поездках русских послов в европейские страны с указанием церемониала приема, исторических прецедентов, с обзором заключенных договоров. Великие послы везли комплекты грамот во все государства, через которые они могли проехать, несколько вариантов наказов с рекомендациями, как поступать в том или ином случае²⁶.

Опыт отправки подобных посольств нарабатывался в течение десятилетий. На протяжении всего XVII в. Посольский приказ готовил миссии, перед которыми стояли задачи заключения мира, поиска союзников, уведомления о крупнейших событиях внутри России. В 1613—1616 гг. за рубеж было отправлено десять миссий с целью восстановления международного престижа Московии после событий Смуты. В преддверии войны с Польшей за Украину (1554-1667 гг.) русские дипломаты посетили Австрию, Голландию, Курляндию, Пруссию, Францию, Швецию, немецкие торговые города с целью обоснования справедливости борьбы и закупок дополнительных воинских припасов. В 1686—1689 гг. с известием о «Вечном мире» с Речью Посполитой и вступлении России в антитурецкую «Священную лигу» в Европу уезжают сразу три крупных посольства. Одно, во главе с боярином Б. Шереметевым, окольничим И. Чаадаевым, думным дьяком П. Никифоровым и дьяком И. Волковым, через Польшу, где должен был произойти обмен утвердительных грамот, ехало в Вену для корректировки условий альянса. Перед дьяком В. Посниковым, руководителем второго, ставилась задача найти союзников в Англии, Пруссии, Голландии и Флоренции. Аналогичные цели, но уже во Франции и Испании, обязана была преследовать миссия князя Я.Ф. Долгорукова²⁷.

Численность посольств колебалась от одного до нескольких десятков человек. Помимо послов и посланников в их состав входили опытный дьяк, один или несколько подьячих, толмачи, сторожа. Все документы тщательно редактировались и проверялись, на возможные вопросы составлялись варианты ответов.

Ни один посол или посланник, приехавший в XVII в. в европейскую страну, не начинал переговоров с раскрытия всех своих предложений. Он должен был придерживаться наказа, в котором четко расписывалось, что и когда делать, разузнавая одновременно политическую обстановку в стране. Особое внимание уделялось «бережению чести и достоинства» государя.

Петр I же, приехав в Голландию, сразу выдвинул все свои требования и ответные предложения, отсекая тем самым возможность для маневра. В итоге Великое посольство не получило ни гульдена от голландских Генеральных штатов. В течение всей поездки венценосный «десятник» постоянно нарушал придворный этикет, посольский церемониал. Иногда это себя оправдывало, позволяло ему ближе сходить с людьми, располагало к неформальному общению. Однако престиж государства сильно страдал.

Элементарный анализ наказа посольству свидетельствует о высоком уровне компетенции служащих Посольского приказа. В международных делах руководствоваться личными симпатиями и антипатиями, сиюминутными настроениями, как это подчас делал Петр I, довольно опасно. Для

квалифицированного решения проблем необходимо было иметь отлаженный механизм претворения их в жизнь, громадные знания, опыт работы. Все это молодой царь пытался компенсировать личным знакомством с Европой и большим энтузиазмом. Уже во время поездки он начал подменять работу Посольского приказа своей инициативой, а в первые годы Северной войны фактически свел на нет его функции. В результате — ряд дипломатических неудач и постоянное неумение воспользоваться результатами своих побед.

Нельзя, конечно, идеализировать всю деятельность Посольского приказа. Существовали и рутинность, и бюрократия, и чрезмерное чванство послов, и ряд других недостатков, но говорить о застое или упадке в конце XVII в. отечественной дипломатии как формы приказной системы — значит противоречить фактам.

Вместе с тем именно благодаря Петру I и Великому посольству наше государство смогло в короткие сроки выйти на международную арену и сравняться в своем развитии с ведущими европейскими странами.

¹ РГАДА, Ф- 9 «Кабинет Петра I», оп. 5, д. 1, ч. 9, л. 123.

² Туманский Ф.С. Собрание разных записок и сочинений, служащих к доставлению полного сведения о жизни и деяниях государя императора Петра Великого. СПб., 1787. Т. 3. С. 67-68.

³ Там же. С. 68.

⁴ Сборник Русского исторического общества. М., 1893. Т. 39. С. 111.

⁵ Там же. С. 115.

⁶ Цит по: Елагин СИ История русского флота. Период Азовский. Воронеж, 1997. С. 101.

⁷ Богословский ММ. Петр I: Материалы для биографии. М., 1941. Т. 2. С. 316.

⁸ Там же. С. 352.

⁹ Елагин СИ История русского флота. Период Азовский. С. 234.

¹⁰ Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. СПб., 1868. Т. 9. Стб. 930.

¹¹ См.: Богословский М.М. Петр I: Материалы для биографии. Т. 2. С. 381.

¹² См.: Ковригина В.А. Немецкая слобода Москвы и ее жители в конце XVII - первой четверти XVIII в. М., 1997. С. 334, 344.

¹³ См.: Сборник Русского исторического общества. Т. 39. С. 220.

¹⁴ Цит по: Ковригина В.А. Немецкая слобода Москвы и ее жители в конце XVII - первой четверти XVIII в. С. 347.

¹⁵ Впервые проект опубликован в приложении к трудам Ф. Ли, изданным в Лондоне в 1752 г., - *Apoleipomeua or Dissertations theological, mathematical, and physical by Francis Lee. London, 1752.* (прил. *Proposals given to Peter the Great Czar anno 1698. F. 2*). Сведения взяты из: *Александренко В.Н. Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII в. Варшава, 1897. Т. 1. С. 463.*

¹⁶ См.: *Александренко В.Н. Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII в. Т. 1. С. 463; Андреев А.И. Петр Великий в Англии в 1698 г. // Петр Великий: Сб. ст. М.; Л., 1947. С. 76, 91.*

"См.: *Анисимов Е.В. Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII в. СПб, 1997. С. 99-109.*

¹⁸ Цит по: *Андреев А.И. Петр Великий в Англии в 1698 г. С. 91-92.*

¹⁷ «Юрнал 206 году» // *Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. СПб., 1858. Т. 3. Приложение IX. С. 602, 605.*

²⁰ См.: *Boss V. Newton and Russia: The Early Influence, 1698 - 1796. Cambridge (Mass.), 1972. P. 9-15.*

²¹ *Юхт А.М. Русские деньги от Петра Великого до Александра I. М., 1994. С. 13.*

²² *Богословский М.М. Петр I: Материалы для биографии. Т. 2. С. 323.*

²³ *Андреев А.И. Петр Великий в Англии в 1698 г. С. 96.*

²⁴ Цит. по: *Павленко Н.И. Петр Великий. М., 1994. С. 447.*

²⁵ РГАДА, ф. 32 «Сношения России с Австрией и Германской империей», оп. 1, кн. 21, 25-27, 29, 32-33, 41-42, 44-46; ф. 35 «Сношения России с Англией», оп. 1, кн. 16-17, 19-20; ф. 79 «Сношения России с Польшей», оп. 1, кн. 181, 185, 189-190, 195-197 и другие.

²⁶ Там же, кн. 44, л. 219 об. - 261; д. 7 (1697 г.), л. 1 - 102; д. 52 (1698 г.), л. 1-5; ф. 50 «Сношение России с Голландией», оп. 1, д. 1 (1697 г.), л. 1-16; Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. СПб., 1867. Т. 8. Стб. 637-657, 661-703.

²⁷ См.: *Бантыш-Каменский Н.Н. Обзор внешних сношений России (по 1800 г.). М., 1894. Ч. 1. С. 30-31, 122-123; М., 1896. Ч. 2. С. 247; Ч. 4. С. 19, 83-84.*